

Разговор по душам

Рисунок художника Н. Жукова

Александр СМЕРДОВ,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»

ПЕСНЯ О СВЕТЕ

НА БЕРЕГАХ кефеинотемного горячего Меконга — большой реки в азиатских тропиках, в горах и джунглях самой южной окраины Китая припомнилась мне песня, услышанная четверть века назад, на Родине, в ташкентском крае Кузнецкого Алатау, на берегу студеной пенитой Мрас-су. В осеннюю звездную ночь у костра под столетним кедром, сидя в кругу лесорубов и плотогонов, под глуховатый гул горной реки шел эту песню, тут же и творца ее, старый рыбацкий — сказочник Морощка.

...Сколько лет ты шумишь тайга, словно ночь, темна, глубока? Был затерян в тайге человек, одиноко он жил свой век.

И в таежной глуши рожден, умирал одиноко он, И не знали люди тайги, Сколь в мире людей других...

Много торных дорог к счастью Нам открыто народная властью. Рады жизни и стар, и мал, Эту радость нам Ленин дал!..

Песнь Морощки о великом воле припомнилась мне в Сишуанбана — одном из национальных округов Китайской Народной Республики. Этот округ расположен на гористых, покрытых тропическими лесами берегах Меконга, называемого на китайской территории Ланцянцзян — Безбрежная голубая река. Это у границы провинции Юньнань с Бирмой, Лаосом и другими южноазиатскими странами.

Между Ланцянцзяном и Мрас-су, между Сишуанбаня и Горной Шорией лежит несколько народных и климатических поясов. Очень различны национальный, бытовой, духовный уклады жизни народностей тай и шор-кити. Но чем ближе знакомился я с жителями Сишуанбана, их жизнью в прошлом и настоящем, тем больше казалась мне, что здесь, в густой чаще пальмовых, банановых и бамбуковых рощ, встретил я давно знакомых людей, увидел много такого, чему бы свидетелем в годы первых пятилеток на Родине, среди горных краев Алтая.

Здесь услышал я и песню, живо напоминавшую мне слышанную четверть века назад.

...Среди непроходимых джунглей, населенных всеми видами летающих, ползающих и других хищников, обитателей этих лесов, едва ли не самым бесзащитным и одиноким был человек — полуголый, с разрисованными татуировкой лицом и телом, бедняк народности тай. Хижина из листьев или травы была-его единственным пристанищем и в сезон больших дождей, и в пору палющего зноя. Пищей служили ему дикие коренья и травы, хотя природа вокруг изобладала всякими благами тропиков, а возделанная одна из долинной долины давала тушеные орехи. Но все это, да и собственная жизнь не принадлежали человеку народности тай.

Старинная тайская заповедь гласила: «Есть у тебя руки и ноги, — плати налог. Идишь по дороге — плати, пьешь воду — плати, добыл зверя или птицу — плати, женился или умер — тоже плати. И даже волосы твои принадлежат императору...»

«Императорами» именовали себя китайские наместники и местные князья.

Была и еще одна заповедь: «Все звери, птицы и красивые девушки по воле богов — собственность князя».

Как злое памятью былого владычества этих наместников «небесной империи» и местных феодальных «сынов неба», в тайских селениях над травяными кровлями хижины высаты мрачные палаты, дворцы, окруженные глухими крепостными стенами.

Но вот выезжая в Юньцинхун — административный и культурный центр автономного национального округа Сишуанбана, и в глаза бросаются бесхозные здания народной больницы, дома культуры, педагогического училища, универсального и книжного магазинов и других общественных и культурных учреждений.

В этом тропическом селении радует обилие знакомых и милых азиатских пионерских галстук, а детворы, здоровой и жизнерадостной, здесь, как и всюду в Китае, великое множество. Нередко можно заметить среди ребят бритых голо мальчуганов в забавном наряде: желтой монашеской одежде

будиста и с пионерским галстком на шее. Это означает, что мальчик одновременно воспитывается и в буддийском храме, и в пионерском отряде, учится в религиозной и народной школе. Еще недавно единственной возможностью для тай «выйти в люди», обучиться грамоте был монастырь монашество в буддийском храме, разумеется, за высокую плату, непосильную для бедняков.

Когда мгновенно опускается над Юньцинхуну густая тропическая ночь, на улицах, во всех общественных местах и многих жилищах, среди пышной лавы бананов и раскидистых явлов всхливают огни — свет дает электростанция первого в тропиках промышленного предприятия, перерабатывающего лака, дающая некоторые виды растительного сырья.

Еще по пути в Сишуанбана мне довелось встретиться с участниками биологической экспедиции китайской Академии наук, среди которых были и советские специалисты — москвичи и ленинградские ученые. Экспедиция, изучающая растительные и животные ресурсы субтропической зоны Китая, возвращалась из большого похода с необыкновенно богатыми открытиями и трофеями. В джунглях Сишуанбана, по берегам Меконга обнаружено свыше 270 дикорастущих видов растений, представляющих высокую продовольственную, техническую и лекарственную ценность, начиная с дикорастущих картофеля и сорго, различных волоконных и маслянистых растений и кончая дикорастущими же цитрусами и перцами, чаем и кофе, лаками и афронами, каучуком и камфарой.

Сейчас в Сишуанбана заключаются первые государственные и кооперативные плантации субтропических культур. Во многих селениях уже действуют полукустарные фабрики первичной обработки чая, волоса, лекарственного и технического сырья.

На берегу Ланцянцзяна я увидел, как смуглые, в широких из пальмового листа шляпах и одних трусиках, молодые тай дружно, с песней перегружали с автомашины на паром и лодки тяжелые серебряные плитки олова или какого-то другого металла, добываемые в горах. Сведущие люди рассказывали, что уже первые разведки недра этого района сулят ему огромное индустриальное будущее.

Однако вернемся в Юньцинхун, где еще можно увидеть много того, что удивляет и радует и новизной, и контрастами, столкновением мрачного прошлого с молодым и мощным расцветом жизни в этом окраинном уголке нового Китая. И, главное, здесь можно встретиться и познакомиться с множеством очень приветливых, привлекательно прямолинейных и неосторожно любознательных людей, готовых щедро поделиться всеми своими мыслями и переживаниями, впечатлениями и радостью новой жизни.

В партийном ли комитете, в местном ли комитете собрания народных представителей, в вечерней школе ликбеза или на опытной станции субтропических культур — всюду вас встретят улыбки, по-китайски предупредительные, деловитые и скромные кадровые работники — ханьцы (китайцы) и тай, составляющие руководящий общественный актив автономного округа.

Все своеобразие и особенности происходящих здесь социалистических преобразований, пожалуй,

лучше всего можно видеть в местном педагогическом училище. Более 300 юных и девушек, в большинстве из народностей тай и ханьца, а также и, до и других народностей, готовится стать учителями. Здесь можно видеть во всем многообразии национальных обычаев, привычек и верований жителей тропиков, проявляющиеся в быту, в одежде, в пище, в отношениях между юными и девушками, учителями и воспитанниками.

Вместе с сыновьями и дочерями вчерашних полурабов и немудрых земледельцев здесь обучаются молодые представители бывшей феодально-чиновничьей национальной знати. За учебными столами сидят рядом комсомольцы и юные буддийские монахи. Обучаются и говорят будущие учителя, главным образом, на китайском и тайском языках.

Большинство студентов предпочитает своим национальным одеждам новостное распространяющую ныне в Китае синюю бумажную куртку и такие же ботинки, но в часы досуга или в праздники молодые непременно облекаются в свои необыкновенно импозантные национальные наряды. В такое время сколько различных напевов, дивно своеобразных и заунывных, можно услышать за один вечер, подпевавшихся гравцовыми и темпераментными танцами, исполняемыми под не менее своеобразные музыкальные инструменты!

Мне рассказывали, что, когда однажды серьезно заболел студент из народности тай и ему понадобилось сделать вышивку крови, среди студентов тотчас вызвалось более трех десятков добровольцев-доноров всех национальностей, представленных в училище.

Свет новой жизни, дружбы и братства, принесенный в эти южные окраины страны посланцами великого китайского народа и коммунистической партии, все шире разливается по берегам Ланцянцзяна. Наверное, потому жители селения Манцзяня свои земледельческий кооператив, один из первых и наиболее крупных во всей округе, назвали искомое словом «Цзянлянь» — свет. В кооперативе «Цзянлянь» мне довелось услышать песню знаменитого и уважаемого в этих краях народного певца и поэта Цанхаа Каланцо, пришедшего сюда, чтобы принять участие в традиционном празднике по случаю строительства и заселения нескольких новых домов членами кооператива.

Низкорослый, с лицом жестоко исчербленным в детстве оспой, с большими печальными глазами и густой сеткой морщин, Цанхап держался с большим достоинством.

Пение Цанхаа сопровождалось нежными, звучными звуками «ми» — свирели, сделанной из стебля молодого бамбука.

Пес Цанхаа Каланцо о чудесной и богатой природе своего края, расцветавшей под солнцем новой жизни, о председателе Мао и коммунистической партии, которые открыли и прокладывали для народов Китая, в том числе и для людей тай, широкую дорогу к золотым воротам счастья.

В заключительных строках песни Цанхаа Каланцо, так же как и в устах шорского рыбака Морощки, не раз благоговейно звучало родное всем ljudским языкам чудесное имя Ленин — имя, олицетворяющее для людей великий свет, который озаряет путь в человеческому счастью для всех больших и малых народов земли.

Юньнань — Ленин

Эта была песня о многострадальной судьбе одной из народностей старой Сибири — наместничества шор-кити (шорский человек), с незапамятных времен жившем в самых глухих местах Алтая и Сайнона. Маленький народ охотников и кузнецов — железнорудильщиков, перенявших от искусства, как свидетельствуют историки, у древних китайцев, к началу XX века находился на грани своей гибели. Образливший и разоренный до нитки колонизаторами, приделанный собственными феодально-родовыми князьками и богатеями, обескровленный беззастенчивой нуждой и бесчисленными болезнями, народ шор-кити был обречен на полное исчезновение — вымирали за родом род, селение за селением.

А Советская власть пришла, Много светлых огней зажгла, Много троп в тайге проследило, Стало в нашем лесу светло.

Новый жизни хорош закон, Всех людей людьми сделал он, Люди гор, долины и лесов Увидели друг друга в лицо.

В тайгу к народу шор-кити пришла, как старшие братья и друзья, русские люди, посланцы Ленина — большевики. Они подали руку дружбы и братства путлырым и суеверным жителям таежных трущоб, вывели их к свету и породили из великой семьи освободителей народов Страны Советов.

Горная Шория раскрыла перед народом свои богатые недра. Над тайгой, на берегах горных рек сверкали, загрелили индустриальные зарницы Кузнецкого металлургического гиганта, рудников и шахт Кузбасса. Один за другим поднимались многоэтажные города. Отнесная тайгу, все шире раскидывались молодые нивы, зеленые пастбища козоводов. Возрожденный и открыт новый жизнью, маленький народ за два десятилетия совершил невиданный прыжок через века — из тыма и удушья первобытно-родового, феодально-полукочевого существования к вершинам социалистического строя, как и вся семья народов под водительством ленинской партии. С трагической задушевной благодарностью и вдохновением шел об этом мудрый рыбацкий:

...Сколько лет ты шумишь тайга, словно ночь, темна, глубока? Был затерян в тайге человек, одиноко он жил свой век.

И в таежной глуши рожден, умирал одиноко он, И не знали люди тайги, Сколь в мире людей других...

Е. ДОБИН, А. НИНОВ

Л Е Н И Н

В ВОСПОМИНАНИЯХ А. В. Луначарского о В. И. Ленине среди многих живых штрихов сохранился такой эпизод. Еще в 1905 году во время первой революции В. И. Ленину пришлось как-то ночевать на частной квартире, где, между прочим, была богатая коллекция иллюстрированных изданий, посвященных крупнейшим художникам мира.

«На другое утро Владимир Ильич сказал мне: «Какая увлекательная область история искусства. Сколько здесь работы для марксиста. Вчера до утра не мог заснуть, все рассматривая одну книгу за другой. И досадно мне стало, что у меня не было и не будет времени заняться искусством».

В тревожные грозные дни первой русской революции, когда напряжение политической борьбы требовало безраздельной отдачи всех душевных и физических сил, всей энергии мысли, В. И. Ленин так глубоко и непосредственно заново пережил захватывающее воздействие шедевров мирового искусства!

«Сколько здесь работы для марксиста», — это ленинское замечание звучит сегодня как программа. Оно явилось в итоге размышлений об огромной области многовекового человеческого творчества, история которого требует нового, марксистского освещения и оценки.

Ленинские труды свидетельствуют, как широко и многосторонне вовлекал он факты художественной литературы и искусства в свою аргументацию, с какой неугасающей остротой анализа вскрывал их общественное содержание. Ленинские выступления по общим вопросам искусства, многочисленные литературные оценки и характеристики, как правило, включены в необычайно широкий контекст развития основных, кардинальных идей марксизма. В этом контексте литературно-эстетические взгляды В. И. Ленина, собственно, и должны изучаться.

«В. И. Ленин о литературе и искусстве. Памятники мировой эстетической и критической мысли. Составитель Н. Крутинкова. Вступительная статья Б. Рюрикова. Издание осуществлено под наблюдением А. Деметриева, Б. Рюрикова, И. Чернуца. Государственное издательство художественной литературы. М. 1957.»

В то же время задача широкой популяризации ленинских трудов и высказываний о литературе и искусстве требует создания специальных тематических сборников, удобных в обращении и возможно более полных по материалу.

ВЫХОД В СВЕТ сборника «В. И. Ленин о литературе и искусстве» — большое событие, значение которого трудно переоценить. Это не первое издание такого типа, и мы не собираемся умалять ценность ранее появившихся работ, тем более, что их опыт, несомненно, был учтен составителями нового сборника. Тем не менее надо сразу же сказать, что новое издание принципиально отличается от всех предыдущих и широтой привлеченных материалов, и характером их внутреннего построения.

В новом сборнике «В. И. Ленин о литературе и искусстве» найден наиболее удачный в данном случае проблемно-хронологический принцип построения, позволяющий сохранить внутреннюю связь основных идей В. И. Ленина в историческом развитии. При этом составители исходили из единственно правильной предпосылки, что все мысли В. И. Ленина о литературе и искусстве теснейшим образом связаны и представляют беспрерывную по своей стройности целое, — были ли они высказаны в печати, в письмах, в устном разговоре, зафиксированы ли они в постановлении Совета Народных Комиссаров за ленинской подписью или приняты форму заметок на полях прочитанной книги, статьи.

Это единство — единство концепции гениального мыслителя, охватившего своим взглядом громадный цикл мировоззренческих и практически-политических проблем эпохи. Поэтому и работа, специально посвященная литературным вопросам, и попутная оценка литературного явления, и безделье, казалось бы, замечание — все должно быть собрано воедино, чтобы читатель мог обо-

зреть и осмыслить всю сферу высказываний В. И. Ленина о литературе и искусстве.

Универсальность охвата материала выдгодно отличает новый сборник. Наряду с печатными трудами В. И. Ленина широко использована его переписка — письма и служебные записки, покуда представляющие огромный интерес. Приведены малодоступные ранее широкому кругу читателей заметки В. И. Ленина на полях книг Плеханова и Шулутинкова, комментарии к статье пролеткультовца Плеханова. В сборнике широко представлены декреты и постановления по вопросам культуры, вынесенные Советским правительством под руководством В. И. Ленина. Наконец читатель получил возможность познакомиться с многочисленными межпартийными материалами, содержащими ценнейшие сведения об отношении В. И. Ленина к делам и нуждам искусства.

НОВЫЙ СБОРНИК «В. И. Ленин о литературе и искусстве» вышел в серии «Памятники мировой эстетической и критической мысли». Свои общенные, касающиеся искусства, совершенно закономерно следует рассматривать как новый, высший этап развития эстетической и критической мысли человечества.

Эстетические взгляды В. И. Ленина являлись важным звеном огромного и стройного соподчиненного в своих элементах здания революционного марксизма, привнесшего в ленинских трудах новую форму, соответствующую великим историческим свершениям XIX века. Творческое развитие марксизма в самых основных, жизненно важных направлениях имело решающее значение и для новейших эстетических воззрений, их современного научного уровня. При этом ленинизм в области эстетики, как и в других областях, прямо опирался не только на завоевания марксистской мысли XIX

века, но и на великодушную национальную традицию русской революционной демократии.

Обосновывая главную мысль своей книги «Что делать?», В. И. Ленин подчеркивал, что роль передового ботва может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. «А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает», — писал В. И. Ленин, — пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература; пусть... да доволно и этого!»

Мировое значение литературно-критического и эстетического наследия В. И. Ленина определяется не только тем, что оно объединяло в высшем синтезе национальную философскую традицию с последним словом научного социализма, но также и тем, что ленинская концепция искусства вырастала как гениальное обобщение практики русской литературы, приобретавшей всемирное значение в эпоху революций и великих классовых битв. Не случайно целый цикл ленинских статей о Льве Толстом был посвящен художнику, мировое значение которого и мировая известность, как мыслителя и проповедника, отражали по-своему «мировое значение русской революции».

Никто другой из многочисленной плеяды толстовских критиков и историков литературы (даже Плеханов) этого не видел. Ленин это увидел. Еще тогда, когда в дни толстовского юбилея меньшевики вступе с кастами разглагольствовали о призраки Толстого с его непротивленчеством, Ленин назвал Толстого «зеркалом русской революции». Это было подлинным откровением, воочию показавшим зоркости, необычайное дальновидение, гигантский масштаб марксистской мысли об искусстве.

Никто из современных В. И. Ленину деятелей и руководителей социалистического движения не понимал так глубоко и не видел так ясно, как В. И. Ленин, огромный роль литературы и искусства в деле социального переустройства общества. В проекте программы Российской социал-демократической рабочей партии (1902) В. И. Ленин писал о борьбе с самодержавием, как самым злейшим и опасным врагом «освободительного движения пролетариата и культурного развития всего народа».

«Освободительное движение пролетариата» и «культурное развитие всего народа» поставлены в ленинском тексте рядом. Ни в одной из программ партий II Интернационала не было и намека на подобную формулу. Если вспомнить, как упорно добивался В. И. Ленин предельной ясности программы, как он избегал всяких лишних слов (теоретическая часть программы, из которой взята вышеприведенная фраза, уместна на двух страницах), то станет ясным, что включение этого положения обусловлено важными причинами и определено ходом глубокой, центральной мысли В. И. Ленина. Именно с этим ходом мысли связано появление эпохальной, сыгравшей такую гигантскую роль в развитии социалистического искусства статьи В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература».

Падос ее именно в том, чтобы на новом историческом этапе теоретически утвердить и практически осуществить неразрывную, глубокую связь литературы и искусства с революционным делом, с пролетарской партией, возвысившей силы революции.

В ПОСТАНОВКЕ вопроса о партийности идеологии вообще, искусства и литературы в частности, с особой отчетливостью проявилось новое, что внес Ленин в сокровищницу мировой эстетической мысли.

Альберт КАН,
американский публицист

Трагедия миллионов американцев

МРАЧНЫЕ опасения нависли над семьями миллионов американских рабочих. Люди спрашивают: долго ли еще будет продолжаться экономический спад? Какие размеры он примет? С каждым днем все больше и больше число американцев теряет работу. В начале февраля президент Эйзенхауэр заявил, что все это — просто напросто «сезонные затруднения». «Подъем», — сказал он, — начнется через несколько недель. Но вот наступила весна, а безработица продолжает расти. Со всех концов страны поступают сведения об ухудшении ситуации. В Детройте, который обычно приводится как пример процветания американской промышленности, четверть миллиона мужчин и женщин не имеет работы. В Мемфисе (штат Теннесси) более десяти тысяч семейств живет на пособие. В Толедо (штат Огайо) не занято 10 процентов всей рабочей силы. В Питтсбурге (Пенсильвания) производство стали сократилось вдвое. На текстильных фабриках и стройках, на электромеханических и лесопильных заводах — везде и повсюду происходит примерно одно и то же. Сейчас, когда я пишу эти строки, по радио сообщают, что еще два автомобильных завода в Сан-Франциско закрылись на неопределенный срок.

По всей стране ежедневно происходят совещания представителей американского правительства, бизнесменов и профсоюзных деятелей. Они пытаются найти способ, чтобы задержать зловещий прилив безработицы. Наиболее типичные предложения — снижение налогов, расширение общественных работ, увеличение военного производства.

Ни один из американских экономистических «экспертов» не может сказать, что ему известно радикальное средство борьбы против депрессии. Газета «Нью-Йорк таймс» философски изрекает, что «промышленные циклы, во всей видимости, являются неизбежными жизненными фактами». Газета добавляет, что в данном случае мы должны быть еще благодарны, так как «боги даровали нам некоторую удачу — рост расходов на вооружение после запуска советских спутников». Однако, несмотря на столь очевидную благосклонность богов, кризис все углубляется. По самым последним данным официальной статистики, число безработных приближается к пяти с половиной миллионам. Профсоюзы считают, что общее число полностью и частично безработных в стране — 10 миллионов человек. Но никакими цифрами нельзя, разумеется, измерить глубину человеческих страданий. Статистические данные о тех или иных видах товаров имеют свое особое значение, но очень трудно применить статистические мерки к товару, каким является при капитализме рабочая сила. Цифры не могут повести всего о тревоге, душевном напряжении, страхе и голоде мужчин, женщин и детей.

Разрешите привести здесь мой недавний разговор с одним хорошим знакомым — сорокачетырелетним механиком, у которого есть жена и трое детей. Две недели назад его уволили с фабрики в Сан-Франциско, где он работал. «Я знал, что так будет», — сказал он мне. — «Может быть, это хуже всего — жить от получки до получки и не знать, когда же на тебя упадет порпор. Трудно передать, как это действует на человека. Совсем по-другому начинаешь смотреть на все». И спросил, каков теперь его доход по сравнению с тем, что он зарабатывал. «У меня был заработок 90 долларов в неделю», — сказал мне механик. — «Теперь я получаю 40 долларов пособия. Это будет продолжаться, если я не найду работы, 26 недель». И мой друг добавил с жесткой усмешкой: «Хотела не дураки, позаболталась о том, чтобы подложить нам на время эту подопалку. Пока рабочие не начнут голодать по-настоящему, они, больше частью, ведут себя смиренно...»

Конечно, величина пособий по

Л И Т Е Р А Т У Р Н А Я Г А З Е Т А

22 апреля 1958 г. № 48

ОСТОРОЖНО, даже с робостью берусь я сегодня, на пороге 60 лет своей жизни, за перо, чтобы записать скупой и лаконично несомненно детали из жизни Ленина.

Но когда мне было двадцать лет, я написала одним залпом 1800 рифмованных стихов о Ленине, напечатала их под гримасным названием «Ленинада» и полетела в Москву на крыльях успеха и гордости.

И вот я уже в газете «Правда», сижу перед столом Марии Ильиничны Ульяновой. Мне нужен ее совет. Я, разумеется, не сомневаюсь, что издание этой поэмы в Москве крайне необходимо для России и даже мировой революции.

Мария Ильинична тихо листает странички рукописи и внимательно поглядывает на меня. Она прочла поэму накануне, и я укасаюсь, когда вижу свою рукопись, испещренную подчеркиваниями и пометками на полях. Не напутала ли я дат, названий городов, в которых Ленин жил за границей?

— Нет, нет, — успокаивает меня Мария Ильинична, — хроникальная сторона совершенно в порядке. Дело совсем не в этом. — Сестра Ленина обращается ко мне, как к равной и взрослой, прямо глядя мне в глаза. — Я думала вчера, когда читала вашу рукопись, что может быть, самое великое и бесмертное в Ленине — это жизнь человека-борца за счастье народа. И вот именно этот образ вы в корне искажили. У вас не Ленин, а герой-чудотворец: пришел, увидел, победил. А где же жарод — творец и труженник? Вы вырвали Ленина из народа и поставили его над ним...

Она говорит, и я лучше начинала понимать, что такое Ленин. Я видела его несколько раз, гонимая за ним, где только могла. Две недели, пока не встретилась я, полуголодная, возле дома в Горках в его последнюю осень...

— Да вы не огорчайтесь, — сказала Мария Ильинична, заметив мое волнение, и прикоснулась рукой к моему плечу. — Создать образ Ленина — дело бесконечно трудное...

34 года не бралась я писать о Ленине для печати. Давно остались позади легкомысленные мечты воссоздать живой образ Ленина. И если сегодня я снова берусь за перо, то лишь затем, чтобы передать будущим поколениям то немногое, что я знаю о нем и не хочу унести в могилу.

ИЗВЕСТНО, что Чапаев недолюбливал штабов, где сидели военные, и с недоверием относился к интеллигентам. Но Ленин он любил страстно и пламя своей любви к Ильичу передавал бойцам. До конца уверенный в своих силах на любое дело, он только Ленину охотно уступал первенство во всем.

Я просилась в Чапаевскую дивизию.

— Где учились, чьи родители дочь? — спросил Чапаев.

— Революция застала меня в седьмом классе гимназии. Мой отец был инспектором народных училищ.

— Та-ак! Значит, перебежник из чужого лагеря.

Я захохотался, как от удара хлыста.

— А Ленину? Ведь его отец тоже был инспектор народных училищ!

— Ленина не трогай! — свинул брови Чапаев. — Ленин — особа статья. Видел я его, что ни есть неподдельный мужик.

Чапаев подобрел ко мне, когда узнал, что частушки про Колчака, переданные ему из редакции самарской газеты для его бойцов, написаны мною. Он совсем просветлел, когда я сказала, что есть у меня песня и про него — Чапаева.

— Читай, — сказал он, — для меня песня — хлеб. Война песню любит.

Я прочла наизусть песню, вчера сочиненную:

Чапаев, Чапаев, бессмертный герой,
Ведешь ты полки в
сокрушительный бой!
Их слава над бурям, как
мир, гремит,
Царям и вампирам народ не
простит.
Буржуям не снится, приходит
капуст.
И Берлин, и Ницца Чапаева
ждут...

— Хороша песня! — сказал Чапаев, когда я кончила.

Но вдруг он нахмурился и добавил резко:

— Хороша, да неправильная!

— Почему?

— А Ленин где? — строго спросил Чапаев. — Подумаешь, своим курчавым мозгом, ты как за героя Чапаев был, если у тебя не было Ленина?

У Макара табуны по лесу. Переписал песню, — признался Чапаев. — Поставь Ленина на передний план. Привезешь в дивизию.

Я догнала Чапаева под Бузулуком, перед выступлением дивизии на Колчака. Здесь только что кончилось совещание штаба и шел импровизированный концерт.

Чапаев дал знак «акте-рам», стоящим на сцене в ожидании своих номеров, и приказал пропустить вне очереди песню про Ленина и Чапаева.

Я никогда не пела публично. Но не успела ахнуть, как чьи-то руки подняли меня и поставили на сцену. Сотни взоров обожгли меня. Мысль, что песня моя плохо и топорна, ударила мне в голову. Мне показалось, что я проваливаюсь в яму. Но я не успела подумать, что не успеваю прервать концерт и поставить меня на сцену. Бойцам нужна зарядка на завтрашний бой. Им не нужны сейчас ни складные рифмы, ни умные слова, — им нужно слышать звук ленинского имени, песню о том, кто дал им землю и волю, кто стал их знанием и опорой в бою, их путеводной звездой. И я шагнула вперед:

Чапаев, Чапаев, народный герой,
Послал тебя Ленин с
буржуями в бой.
Ильич, наш отец, мы с
Чапаев твоим
Земли, что ты дал нам, врагу
не сдадим...

И пела и чувствовала, как каждый звук этой нескладной песни воодушевляет бойцов. Откуда-то выскочил Петька Исеев, держа в руках самодельное знамя из полинялого кумача, на котором мелкой рукой масляными красками был нарисована огромная голова Ленина.

Я кончила... Чапаев встал под знаменем. Все взгляды устремились на знамя с портретом Ленина. Все звуки зашумели в один ревущий поток. Глаза Чапаева сверкали. Чапай в мыслях уже шел в бой.

— То-ва-рищи! Если надо будет, умрем за Ленина и мировую революцию!

— Ум-рем!!!

— А если живы будем, всех повезу вас к Ленину!

Пусть каждому руку покажет!

— У-ра!!!

Ноябрь 1920 года. По пути из Самары в Москву мы задержались на фронтовом товариществе Максимове, в деревню, расположенную в двенадцати километрах от Кашина. Только что влился за логги, как лошадиная морда мелькнула в окне, и седок закричал, прилипая к стеклу бородой:

— Эй, хозяева! В Кашине электростанцию открыли. Ленин приехал!

Был с нами за вожака 20-летний парень — бывший рабочий самарского трубачного завода, будущий автор романов «Страна родная» и «Россия, кровью умытая» — Артем Веселый.

— Есть кони? — спросил Артем, отодвигая миску со шлами.

— Нет коней.

— Время в обрез, пятки дроблю!

Мы шли, почти бежали по осенней грязи. Но путь был не близок и труден, и мы добрались до Кашина с опозданием. Улицы и площадь, где митинг уже начался, были набиты народом. С трудом пробрались к трибуне. Нам нас шептали: «Тише, Ленин говорит».

Вдруг ветер донес до меня звонкий и отчетливый голос: — Нам нужен мир, чтобы залечить наши раны, чтобы приступить к устройству крестьянского хозяйства.

Сердце дрогнуло от звука его голоса. Он не видел Ленина, отгороженного частоклонным спином.

— Ребята, голубчики, — молила я, дергая Артема и Максимку, — поднимите меня!

Артем встал за руку Максима и сказал: «Лезь!» Я поставила ногу в петлю сцепленных рук и возвысилась над толпой.

Ленин стоял у столба, увитого еловыми ветками и красными полотнищами. Он говорил, энергично рубя воздух то правой, то левой рукой, и быстро поворачивался всем туловищем то в ту, то в другую сторону. Возле Ильича стояла Надежда Константиновна.

Ленин поздравлял крестьян с победой.

— Нам важно, — говорил он, — чтобы вся страна была залита светом. Советское правительство разрабатывает сейчас проект электрификации. Электричество будет нам обрабатывать и удобрять землю.

Он повернул голову в нашу сторону, и мне показалось, что на какое-то мгновение он взглянул прямо на меня, возмущающуюся над толпой. И в этом взгляде, свернутом на лету, проникновенном и горящем, я почувствовала, как велик его дар почти неправдоподобного воздействия на массы. Легко и просто он заставлял людей думать, как он думает, и не забывать его ненависти, и любить его любовью.

О. МИНЕНКО-ОРЛОВСКАЯ

БЕССМЕРТНЫЕ ленинские труды, ленинское литературное наследие — неисчерпаемая сокровищница знаний, произведения В. И. Ленина раскрывают миллионными страницами. Сейчас, по постановлению Центрального Комитета партии, начато издание первого полного собрания Сочинений В. И. Ленина в 55 томах.

Только день назад вышли первые пробные экземпляры первого тома из цехов типографии «Печатный двор» имени А. М. Горького. Над их набором, версткой, печатью, оформлением трудились лучшие полиграфисты. Многие из них участвовали в издании ленинских Сочинений и прежде. Старый, опытный верстальщик А. Муранов, мастер Т. Михайлов, начальник плоскостанционного цеха Д. Анжарский принимали участие еще в подготовке второго и третьего изданий трудов В. И. Ленина. Им помогают сейчас более молодые работники — верстальщица Е. Белова, правильница Е. Савельева и десятки других.

Придирчиво, заботливо осматривали полиграфисты каждую страницу первого ленинского тома. Не только мастерство и опыт — горячий огонь сердца, частичку своей рабочей души вложили они в этот безукоризненно изданный и оформленный том.

Одновременно типография работает над подготовкой к печати основного тиража первого тома.

Выход в свет первого полного собрания Сочинений В. И. Ленина является крупным событием в идейной жизни нашей партии, братских коммунистических и рабочих партий других стран.

ЛЕНИНГРАД (Наш корр.)

Ленин слушает...

Рисunek художника Н. Жукова

Азарт юности

Борис ГАЛИН

О ДНУ ВЕСНУ я чуть ли не каждый день отпрашивался из Москвы в Горки... Все глубоко дорогое нам в этом светлом доме, где жил когда-то Владимир Ильич.

Однажды, перебирая книги в большом старинном книжном шкафу, я увидел большой том «Гидроторфа». На обложке книги на фоне торфяного поля была изображена новая машина, созданная в труднейший год жизни молодой республики. С этой машиной — техникой называют ее торфососом — связана одна замечательная история, страница которой вошла в нашу жизнь под названием «Гидроторф».

В. И. Ленин принял в этой борьбе за новую технику самое непосредственное участие. И я не удивился, когда откинув плотную обложку с рисунком торфососа, встретил на первой странице строки, написанные крупным четким почерком, — это были строки посвящения авторов крупнейшего технического открытия великому Ленину. Чернила от времени выцвели, но все же можно было прочесть надпись, сделанную рукою инженера-энергетика Р. Э. Классона.

«30/X/23, Владимиру Ильичу Ленину. Сегодня ровно три года, что Вы заинтересовались нашими работами по Гидроторфу и взяли его под защиту».

Сейчас производство гидроторфа может быть поставлено в любом промышленном масштабе и этим мы обязаны в первую очередь Вам. Мы это помним и благодарим».

Я обратил внимание на дату этой записки: 30 октября... Что же было «ровно три года» назад, почему для «пояты гидроторфа», каким прослыл Классон в кругу своих инженеров-сотоварищей, так памятен был октябрьский день двадцатого года?

Том «Гидроторфа», увиденный мною в доме Ленина, поведал мне о человеке и человеке, к старым газетам, к ленинским запискам, к живым современникам крупнейшего технического открытия.

ЛЕНИНСКАЯ неукротимая жажда действия, самый процесс борьбы, по словам Г. М. Кржижановского, были как раз той стихией, в которой он, Ильич, особенно хорошо себя чувствовал. От далекого и, казалось бы, весьма отвлеченного — в гущу самой стремительной практики! Горький, близко стоявший к Чапаеву, который во главе партии большевиков начал ломать старое, привычное, острым взглядом художника увидел

тех условия военного и революционного времени.

В ОКТЯБРЕ двадцатого года Владимир Ильич вплотную занялся Гидроторфом. Октябрь был сложным и трудным месяцем. На юге фронт — идут бои с Врангелем. Но уже приближается та желанная пора, когда можно будет посвятить все силы строительству.

Страна начинает строить. Пока еще в планах.

И тут я отложу на время том «Гидроторфа» и открою страничку небольшой книги, относящейся все к тем же дням двадцатого года, книги Г. Уэллса. Английский писатель был у Ленина в середине октября двадцатого года.

У ЭЛЛЕС свободно ходил повсюду, смотрел все, что только желал видеть. А ведь и дома, и в России его при всяком удобном случае предупреждали: «для меня будут тщательней подстраивать все, что я увижу».

Но на самом деле, пишет Уэллс, скрыты суровое и ужасное истинное положение вещей в России невозможно.

И вот что его поразило: в голодной России можно увидеть цветы! Он даже высчитал: за столько-то шиллингов можно купить красивый букет больших хризантем. Уэллс встречается с русскими учеными и отмечает в своих записках: психология ученых — поразительное явление. В Петрограде, в Доме науки, никто не говорил англйчаному о нужде и страданиях. Эти люди «более ценят науку, чем хлеб насущный». Павлов, например, продолжает заниматься своими изумительными изысканиями, в старом пальто, в лаборатории, в которой он в свободное время выращивает картофель и морковь.

«В этой странной России, России голода, холода, борьбы и ужасных лишений», люди мечтают. Уэллс в этом убедился, беседуя с Лениным о «потенциальной России будущего».

Писателя интересует: «Что, собственно, по вашему мнению, вы делаете в России? Что вы стараетесь создать?»

Ленин в свою очередь спрашивает Уэллса:

«А известно ли Вам то, что уже начали делать в России? Электрификация России?»

Уэллс убежден, что Ленин развивает перед ним «электрическую утопию».

«И по скупо сделанной записи, завершавшей беседу, можно почувствовать, что разговор с Лениным заставлял английского писателя глубоко задуматься».

«Мне не хотелось разговаривать; мы шли по направлению к нашей гостинице, под блестящими золотистыми деревьями, расступившись вдоль старого Кремлевского рва, и мне хотелось думать о Ленине, пока образ его в моем воображении еще не утратил своей свежести...»

Здесь, в этой суровой, страстно защищающей свою жизнь стране, вершится будущее, откуда начинается поворотная эпоха мировой истории. Но фантазия прославленного писателя оказывается призрачной, он смотрит из настоящего в окутанную мглой будущее, и ему трудно оторваться от почвы, заваленной обломками старого, от суровой действительности... А Ленин «так хорошо знает

другие материалы, рассыпанные по страницам объемистой книги. Кстати, этот раздел можно было бы обогатить новыми ленинскими документами, опубликованными в четвертом и одиннадцатом номерах «Иностранной литературы» за 1957 год.

По поля зрения составителей выпал целый ряд документов советского периода, изосущих прямое отношение к основной теме сборника. Мы имеем в виду открытие в статье «О работе Наркоминформ», деловое письмо «В Народный комиссариат просвещения», набросок «О задачах Публичной библиотеки в Петрограде», письмо «В Государственное издательство» и некоторые другие документы, в которых В. И. Ленин с поразительной настойчивостью, выникая в мельчайшие детали, ставит вопрос о постановке газетного, книгоиздательского, библиотечного дела с точки зрения научных интересов самых широких масс.

Включен в сборник обширный раздел о воспоминаниях о В. И. Ленине — шаг, принципиально важный. Мемуарные источники содержат необычайно ценные сведения, касающиеся не только симпатии и восторг Владимира Ильича, конкретные оценок тех или иных художников и произведений, но и его взглядов на коренные вопросы искусства.

Наряду со старшими «классическими» воспоминаниями Н. Круской, М. Горького, Клары Цеткин, А. Луначарского в сборнике приведено много воспоминаний, значительно менее известных, но представляющих немалый интерес.

Сотня страниц воспоминаний представляет собой большую ценность. Но за бортом осталось еще много важных мемуарных источников. По нашему глубокому убеждению, в следующих изданиях сборника составителям нужно будет и в разделе мемуаров последовательно провести планомерный принцип полноты.

Новый сборник наверняка будет переплаиваться. И не раз. Подлежит составлению, чтобы в работе над следующим изданием все богатство ленинских мыслей и оценок было представлено в исчерпывающей полноте.

Николай ЗИДАРОВ,

болгарский поэт

Памятник-завод

Да будет вечным ленинское имя! Да сияет оно из рода в род! Мы нашими руками трудными Ему воздвигли памятник-завод.

То не зарей окрасился восход, То домен раз в вендами огненным, Там труд кипит, и, огненным, течет Металл, что носит ленинское имя.

Течет, чтоб, став машинными стальными, Быть всюду там, где трудится народ: Строятся на вахте — Ленин с явным, Крестьяне в поле — Ленин в них живет.

Из края в край своей страны Любимой В труде мы славим ленинское имя. Перевел с болгарского Н. РАЗДОРОВ

В МНУВШЕЕ воскресенье в Брюсселе выдался солнечный, по-настоящему весенний день. До этого бельгийская весна не очень-то баловала теплом и солнцем.

Воспользовавшись нерабочим днем и хорошей погодой, жители бельгийской столицы и ее окрестностей с утра целыми семьями устремились в парк Хейселе. Такого огромного количества посетителей здесь не было даже в день открытия выставки.

Заметно больше стало на выставке и иностранных туристов. Они ежедневно прибывают в Брюссель самолетами, поездами и на автомашинах.

В какой бы уголок парка Хейсель мы ни забрели, нам с любой точки хорошо будет виден 102-метровый Атомум — оригинальное сооружение, ставшее как символ Всемирной выставки 1958 года. Его изображение всюду — на страницах газет и обложках иллюстрированных журналов.

На рекламных плакатах, почтовых открытках и даже на галстуках и носовых платках. Миниатюрные модели Атомума продаются на выставках и в магазинах Брюсселя, как сувениры.

Атомум — это объемное изображение структуры элементарного кристалла железа, увеличенного в 150 миллиардов раз. Представьте себе девять гигантских блестящих шаров диаметром 18 метров каждый, соединенных между собой металлическими трубами.

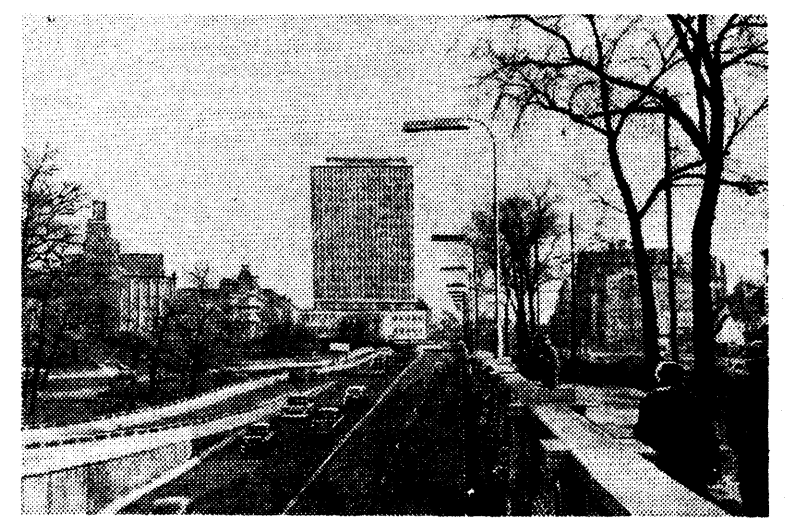
Высота этого сооружения такова, что, когда стоишь возле него, верхний шар, в котором размещается ресторан на 140 мест, кажется по крайней мере вдвое меньше нижнего.

Поблизости от Атомума раскинулась центральная площадь — Пляс де ля Бельжик. Здесь в окружении бьющих вверх водных струй горит огонь, зажженный в день торжественного открытия выставки. Сюда своим фасадом, на котором изображен голубь мира, выходит так называемый Дворец приема, где к услугам приезжающих справочное бюро, почта, телеграф и телефон, отделение банка, разнообразные туристические услуги и т. д.

Павильоны стран — участниц выставки разместились по всей территории парка Хейселе. О каждом из них можно было бы написать отдельно. Но мы, полагая, лишены такой возможности и вынуждены ограничиться самыми беглыми замечаниями.

Наряду с павильоном Советского Союза — большим успехом на выставке пользуется павильон Чехословацкой Республики. Многие посетители и в павильоне народно-венгерской Венгрии. Интерес к этим павильонам, разумеется, не случаен. Их экспозиции дают возможность любому посетителю выставки убедиться не только в

В. КОСОЛАПОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты» (По телефону).

На улицах Брюсселя

Фото В. Захарченко

ОБЩИЙ ЯЗЫК

Гость Польши Климент Ворошилов, как обычно, начинает свой трудовой день в пять часов утра. Еще в Варшаве, на автобусе прогуду по улицам, оживленным беседами с рабочими и служащими, которые встречались ему на пути.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР неизменно удивляет своей неутомимостью всех поляков. Так было и на юге страны, где находится сердце сталовой промышленности Польши.

На 70 километров протянулась трасса поездов тов. Ворошилова и сопровождающих его лиц по силезским местам. Сотни тысяч людей сердечно встречали гостей. На угольной шахте в Силезии потемневший горняк Климент Ефремович получил дар от польских горняков: шахтерский мундир, шапку и другие принадлежности.

Коммунизм с собранными здесь произведениями искусства. Особенно заинтересовала их знаменитая картина Леонардо да Винчи «Дама с горностаем».

В музее Ленина гости внимательно рассматривали экспонаты, связанные с правлением великого вождя революции в Поронине и Кракове. К сожалению, плохая погода в Татрах помешала экскурсионной отделе делегации на курорте Закопане и они в тот же вечер вернулись в Варшаву.

Интересный факт. Репортер стальной газеты «Штадлер молодых» нашел в Варшаве человека, который знал тов. Ворошилова с давних пор. Зовут его Роберт Курцик. Сейчас ему 68 лет, работает он на варшавском мотоциклетном заводе. Еще 15-летним подростком, в 1905 году Курцик выехал вместе с родителями на Украину в Луганск.

Курцик рассказывает: — Вот тогда я и познакомился с Ворошиловым. Он был старше меня на несколько лет и работал слесарем в другом цехе завода Гартмана. Там мы часто встречались с ним. Он был партийным агитатором. Я не раз слышал его интересные выступления и, хотя был беспартийным, всегда убеждался в его правоте.

Когда немцы оккупировали Украину и подошли к самому Луганску, Ворошилов созвал митинг рабочих. Он призвал нас идти защищать Украину. Мы горячо откликнулись на этот призыв — вступили в Красную Армию. Тогда на митинге записались шестьсот добровольцев. В цехах быстро оборудовали бронепоезд. Командовал отрядом добровольцев и бронепоездом тов. Ворошилов. Мы отправились на фронт. Вскоре Ворошилов соединился с Буденным. В боях под Таганрогом, сорок лет назад, я видел тов. Ворошилова последний раз.

Немало знаменательных встреч у советских гостей на польской земле. Здесь много у них старых и новых друзей. Это знаменательны и символически.

Вспоминается случай в Катовице. Во время митинга Климент Ворошилов, как обычно, говорил по-русски. Когда он закончил, Эдвард Герек — секретарь ЦК ПОРП и первый секретарь Катовицкого заводского комитета ПОРП — спросил собравшихся: нужно ли переводить речь гостя на польский язык? Громовое «нет» было ему ответом. У наших дорогих гостей общий язык с польскими хозяевами. И это самое главное!

Людиан ВОЛАНОВСКИЙ, польский журналист (По телефону).

имеет права на существование, его можно сдерживать только нападением на него...

Пусть прочтут нас читатели за то, что мы дословно процитировали тов. Лимая, Барка и Страсуа. Это достаточно авторитетные американские деятели, и их слова никем не опровергнуты. Пусть освободят нас от цитат из речей еще более авторитетных деятелей этой страны. Во-первых, эти речи широко опубликованы. Во-вторых, как говорили древние, «propterea sunt odiosa». В-третьих, что касается, например, господина Даллеса, то американская (заметьте — американская!) газета «Криччен сайенс монтитор» в связи с крайне грубыми последними высказываниями государственного секретаря США по адресу Советского Союза делает следующее замечание: «Если бы Даллес был послом в Советском Союзе и сделал такие открытые заявления, то можно было бы ожидать, что Кремль, несомненно, объявил бы его персоной грата. Но как министр иностранных дел Даллес пользуется иммунитетом».

От одного его никогда не освободил никого дипломатический «иммунитет»: от суда народов. От этого суда не освободил никого и врачебный диагноз типа ачесонофренического анализа тяжелой болезни шизофрении. Политическая шизофрения — тоже преступление.

В. КОСОЛАПОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты» (По телефону).

Преступное безумие

Эта «угроза» якобы вполне реальна, о ней нужно думать поминутно, не спать ночей, чтобы не быть застигнутым врасплох и, наоборот, самим нанести обязательный «первый удар», притом — «решающий».

Здесь кратко, но со скрупулезной точностью изложено содержание речей ведущих американских государственных деятелей. Исключена какая бы то ни было «литературная вышивка», нет даже попытки дать просто «объективные выводы» из фраз, дозвукон, деклараций, которые — хотя бы внешне — выглядят иначе. Все это, в полном смысле, дословно.

За последнее время отчетливее всего американская «идеология» изложена тремя ведущими военными деятелями США: начальником штаба военно-морских сил адмиралом Барком, заместителем начальника штаба военно-воздушных сил генералом Лимаем и председателем сенатской комиссии по атомной энергии Страсуом. С их высказываниями и стоит прежде всего познакомиться. Они опубликованы в только что вышедшем апрельском номере распространяемого американского журнала «Ридерс дайжест» под красноречивым заголовком «Советский Союз против Соединенных Штатов Америки».

На вопрос, возможна ли «атомная война» с Советским Союзом, генералы и адмиралы США отвечают утвердительно. «Коммунистические лидеры, — говорит Лима, — ясно и конкретно заявляли, что они намерены покорить и уничтожить свободный мир и что это является их целью. Прежде всего это означает — нас».

Все три деятеля единодушно в том, что Советский Союз «обязательно нападет», если ему покажется, что Соединенные Штаты слабее его. «Война возможна», утверждает Страсу, и потому «мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы подготовиться к этой возможности». Война «будет неизбежной», подтверждает Лима, «когда мы станем слабыми». Адмирал Барк похваляется нынешней мощью морских и воздушных сил США и поспеживает надеяться, что Россия «не будет настолько глупой», чтобы напасть.

Вот что внушается миллионам американских читателей, среди которых и служащие всех родов войск США. Возможен ли мир? Только на основе непрерывных и все возрастающих вооружений США, — отвечают американские политики и генералы. «Мир во всем мире, — заявляет адмирал Барк, — опирается на нашу силу, пока русские не продемонстрируют действительное стремление к миру». Мир сохранится, вторит ему генерал Лима, —

«пока США будут оставаться сильнее Советского Союза». Мир возможен, говорит Страсу, «но не в том случае, если не на основе советских обещаний».

По мнению американских милитаристов, Соединенные Штаты должны не только вооружаться и умножать все виды наступательного оружия, а американский народ, как говорит Страсу, должен всегда помнить, что «для предотвращения войны постоянно необходимы большие жертвы». Этого мало. Надо быть в состоянии непрерывной готовности. Одна треть американской стратегической авиации, сообщает генерал Лима, «все семь дней в неделю в течение 24 часов должна быть готова к вылету через 15 минут после объявления тревоги. Это высшее состояние готовности. Оно достигается тем, что экипажи бомбардировщиков живут на взлетных дорожках, у своих самолетов».

В этой обстановке искусственной тревоги и истерии, подхлестываемых подобными рассуждениями об «агрессивных» замыслах СССР, очевидно, возможны случайности, ошибки, возможно неожиданное возникновение войны... Генералы и адмиралы отвечают на это с философским спокойствием.

«Что касается Соединенных Штатов, — говорит адмирал Барк, — то случайное возникновение войны исключительно маловероятно». Он не сказал «невероятно», он ограничился приставкой «мало».

Генерал Лима более откровенен: «Всегда будет возможность того, что война может начаться случайно. Так было всегда, даже во времена лука и стрел. Создание ядерного оружия не делает случайной войну более вероятной». Цинизм этих слов беспредельно: генерал напоминает, что ступень «вероятности» не изменилась, но забывает о том, как изменилась война со времен «лука и стрел».

Страсу говорит: «Конечно, всегда имеется возможность того, что какой-либо сумасшедший и какой-либо безответственный лидер или правительство, имеющие атомное оружие, могут начать войну». На этом «круг замыкается». Мы опять возвращаемся к вопросу о сумасшествии. Но именно в США все делается для того, чтобы безумие стало инструментом политики и военной стратегии. Значит, и сумасшедшие, имеющие в руках современную бомбу, могут найтись именно в этой стране.

Высказывания генералов, адмиралов, политиков США этому всячески способствуют. Они гипнотизируют своих подчиненных самой бесстыдной, самой откровенной идеологией войны: коммунизм — это «зло», он грозит Америке, он не

открытия, и сразу же дал новаторский толчок должным образом. И через Классона передается всем работавшим на Гидроторфе ленинское боевое, настойчивое: «Двигать это дело вперед!»

Одна страница доклада Владимира Ильича на VIII съезде Советов целиком посвящена Гидроторфу. Ленин радуется успеху работы русских инженеров: новый гидравлический способ добычи торфа близок к завершению. Доклады и письма Классона прочтываются Ильичем самым внимательным образом — об этом свидетельствуют многочисленные пометки на полях и в самом тексте. Кржижановский говорит: вероятно, и сам Р. Э. Классон не мог ожидать, что каждое слово его письма будет разобрано с таким величайшим вниманием!

Разгораются страсти, кипит борьба вокруг нового метода. И Ленин, который прекрасно все видит — сложную натуру человеческих страстей, — просит от коммунистов-руководителей одного: не придирайтесь к Гидроторфу. «Изобретение великое, — пишет он. — С изобретателями, даже если немного капризничать, надо уметь вести дело. А я не вижу пока каприза». Его интересует осязательные итоги и успехи на торфяном фронте.

В борьбе за гидроторф, как и в тысяче других больших и малых дел, которыми был занят Ленин, проявляются черты «огненной энергии» Ильича.

Величайшее наслаждение мы испытываем при чтении ленинских писем, записок великой начальной эпохи строительства коммунизма. Вот Ильич «засядал» за работу Степанова-Скворцова. Писать надо книгу об

электрификации РСФСР. Еще один человек испытал на себе ленинский напор. Владимир Ильич не выпускает его из поля своего зрения. Он заботится об авторе: надо устроить дачу для Скворцова — «по возможности с огородом». Надо подобрать для него литературу — о состоянии электрификации в разных странах. «Достаньте мне в 1—2 недели все сие сроком на 2 месяца для Ив. Ив. Скворцова (Степанова)». Он запрашивает автора: «Прошу Вас сообщить мне, как делается и когда закончится обещанная Вами работа, о которой мы последний раз говорили».

Книга вышла в свет с предисловием Владимира Ильича. Ее и сейчас, книгу эту, можно увидеть на рабочем столе в кремлевской квартире Ленина. И строки, обремененные к Ильичу: «Да здравствует такое «принуждение!»

К книге приложена схематическая карта электрификации России. Развернем, бережно развернем старый, потерянный на свихах лист: задуманное давно уже выполнено.

...Этой весной я снова поехал в Горки. Апрель ведет весну — почернела земля, ветер вернет старые прогнившие листья, солнце сквозь пробирает береговую рощу. И над всем этим бродит добрый, насильный на острей запахах пробужденной земли и внешней воды, мягкий весенний воздух.

Высокий берег Пахры; бегут весенние воды реки, унес последние куски тающего льда. Отсюда, со взгорья, под этими березами и липами, которые растут у самой воды, Владимир Ильич, говорят, любил смотреть на реку Пахру, на дуга за нею...

Он любил природу, его тянуло в лес и в поле: гуляя, он, по словам близких товарищей, целиком отдавался думам. Это мы узнали из драгоценных воспоминаний Н. К. Крусовой. «У нас в быту, — рассказывала Надежда Константиновна, — сложилось как-то так, что в дни его рождения мы уходили с ним куда-нибудь подальше в лес и на прогулке он говорил о том, что его особенно занимало в данный момент. Весенний воздух, начинающийся пущиться лес, разбухающие почки — все это создавало особое настроение, устремляло мысль вперед, в будущее хотелось заглянуть».

Вспоминает Надежда Константиновна разговор с Ильичем в один из дней его рождения: зашли они далеко в лес, и Ленин стал говорить о том, что новые изобретения в области науки и техники сделают оборону нашей страны такой мощной, что всякое нападение на нее станет невозможным. Владимир Ильич придавал громадное значение науке, которая поднимает человеческий ум и гений на великое творчество.

Ильич говорил все тихо и тихо, почти шепотом, как у него бывало, когда он говорил о своих мечтах, о самом завешанном.

И. о. главного редактора В. ДРУЗИН. Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИН, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБИЧКОВ, В. СОЛЮХИН.

К. Е. Ворошилов беседует с юными горожанами в г. Катовице. Фото В. Соболева

Люди встревожены. Мир облетело известие о провокационных полетах американских бомбардировщиков к советским границам.

«Грань войны», о которой так часто говорит Даллес и к которой он периодически пытается подталкивать США и другие страны, предстала как реальная угроза. Оказывается, человечеству уже было несколько раз на этой черте, на краю пропасти...

Американские политики ничего не опровергают и не оправдываются. Отвратительны сами мотивы подобной «позиции». Выяснилось, что они ведут себя так вовсе не потому, что факты нельзя скрыть, — они даже конструируют эти факты. Генералы и министры США скорее довольны разоблачениями. Они откровенно угрожают людям своими вызывающими действиями, своей игрой с атомной бомбой, игрой на нервах народов.

Что это — безумие или преступление? Действительно ли американские государственные деятели, придумавшие миф о «советской угрозе», в оправдание гонки вооружений, в конце концов сами уверовали в эту легенду, иными словами, обезумели? Или это продолжение мифа, сознательное провождение состояния тревоги и неуверенности в американском народе, обдуманное запугивание населения других стран?

Версия о безумии американских политиков получила в последнее время широчайшее распространение. Дин Ачесон, бывший государственным секретарем США при президенте Трумэне, утверждает, что теперь все европейские государства смотрят на Америку, как на страну, «опасно болную шизофренией». Сам Ачесон согласен с этой оценкой. Он лично представил детальный диагноз болезни. Шизофрения, которой болны американские руководители, разъярил Ачесон, выступая в Канзас-Сити, «характеризуется потерей связи с окружающей обстановкой, ослаблением интересов, мелкими эмоциями, меньшей находчивостью, глупыми действиями, маниями, галлюцинациями, переходом к более примитивным формам поведения, сумасбродными поступками, начиная с проявления полного безразличия и кончая волнением и импульсивными, не поддающимися контролю действиями».

Тяжелый диагноз. Подчеркнутые нами признаки заболевания таят в себе реальную опасность для всего человечества. Именно все, все человечество обязано предпринять коллективные предохранительные меры против шизофреника.

Французский еженедельник «Перспектив», по существу не расходясь с бывшим руководителем американской внешней политики, который сам пошел начал «безумию», а теперь в отчаянии «хло-

пает себя по лямкам, дает несколько иную оценку положению. Он не пишет о сумасшествии, но он снова напоминает о «мифах», которыми руководствуется внешняя политика США и которые ведут к серьезным неудачам держав Запада.

«Необходимо, — рассуждает «Перспектив», — чтобы американцы отказались от «мифов», лежащих в основе поражений Запада: миф о добре (Соединенные Штаты) и зле (Советский Союз), миф о том, что правительство Формозы — единственный представитель Китая, миф об эффективности военных союзов в борьбе против распространения коммунизма» (подчеркнуто мною). — Б. Л.).

Это гораздо более важное свидетельство. Можно сказать, что французский еженедельник, — мотивы которого в данный момент нас не интересуют, — взглянул прямо в корень вещей. Его показания помогают установить степень виновности американских «безумцев».

Все три названных «мифа» действительно составляют основу американской внешней политики. Ее руководители — виднейшие миллиардеры, генералы, конгрессмены, члены правительства — открыто и официально подтверждают, что стоят именно на этих трех «китах». Первый: Советский Союз — это «зло», а следовательно, должно быть уничтожено, для чего подходят все средства, в том числе и бесчеловечные. Второй: Китайская Народная Республика, а вместе с нею и все другие страны социализма, в частности находящиеся в Восточной Европе, с которыми, в отличие от КНР, Соединенные Штаты поддерживают дипломатические отношения, — не имеют права на существование, и от этого своего тезиса, как почти ежедневно говорит Даллес, США никогда не откажутся. «Кит» третий: ненавистные американским правителям идеи коммунизма можно преодолеть не какими-нибудь там средствами идеинной борьбы, а только лишь силой оружия, превосходством в вооружениях, в способности нанести «уничтожающий удар».

Это есть пропаганда войны, святости войны, ее необходимости, ее неизбежности. В подкрепление этих мифам добавляется вытекающий из них четвертый и главный: воплощение «зла», то есть СССР, Китая и другие страны социализма будут бы только и думать называть свои идеи, свой «зловредный коммунизм» всему миру силой оружия, войны, а поспеживают, ежедневно, ежедневно Западу, прежде всего США, грозят неожиданное «советское нападение».

Это есть пропаганда войны, святости войны, ее необходимости, ее неизбежности. В подкрепление этих мифам добавляется вытекающий из них четвертый и главный: воплощение «зла», то есть СССР, Китая и другие страны социализма будут бы только и думать называть свои идеи, свой «зловредный коммунизм» всему миру силой оружия, войны, а поспеживают, ежедневно, ежедневно Западу, прежде всего США, грозят неожиданное «советское нападение».

Придя домой, Классон сказал сыну: — Сегодня у меня прекрасный день: я был счастливым в самом простом смысле этого слова... А рано утром инженер позволил мне «Электроторфачу».

Три дня спустя Совнарком под председательством Владимира Ильича принял постановление об организации Гидроторфа. Это было 30 октября 1920 года.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу. Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней связи — К 4-06-05, международной связи — К 4-03-48, отделы: литератур народов СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68, Коммутор — К 5-00-00.